

EDN: RYOKAG

Николай Викторович Разуваев, главный редактор журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция», заведующий кафедрой гражданского и трудового права СЗИУ РАНХиГС, доктор юридических наук

Идея правового прогресса в век искусственного интеллекта

The Idea of Legal Progress in the Age of Artificial Intelligence

Опубликован очередной номер журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция». Выходу в свет данного номера, как обычно, сопутствует богатая событиями повестка научной жизни юридического сообщества, важное место в которой занимает X Международный Невский форум, по традиции организуемый в июне, одновременно с Петербургским международным юридическим форумом и объединенный с ним общей тематикой, а также пулом участников. Тема нынешнего Невского форума — единство в многообразии как ключевой фактор стабильности и эффективности развития России, — на мой взгляд, удивительно созвучна проблематике, рассмотрению которой наш журнал неизменно уделяет особое внимание, что представляется отнюдь не случайным.

В самом деле, как для права, так и для и юридической науки многообразие духовных традиций, их диалог, сложные процессы смыслового, а также институционального влияния, оказываемого правопорядками друг на друга, всегда являлись важными факторами развития, в том числе развития поступательного, прогрессивного. Особенно наглядными процессы поступательного движения становятся в условиях цифровой трансформации, когда в результате внедрения информационных технологий ускоряются изменения структуры и содержания правопорядков, наблюдаемые как в частном праве, так и в публично-правовой сфере. Появляются новые объекты прав, существование которых полностью зависит от виртуальной среды (цифровые права, цифровые рубли, криптовалюты и т. п.), а некоторые традиционные объекты, ранее имевшие физическое воплощение, как ценные бумаги, дематериализуются, утрачивая свой «субстрат».

В ценных бумагах и им подобных объектах не сама материальная форма имеет юридическое значение, а неразрывно связанное с ней право¹, а оно, это право, с развеществлением объекта обнаруживает свою идеальную природу с невиданной доселе ясностью. Возрастает его роль как средства знаковой коммуникации, в рамках которой достигается взаимное признание и взаимопонимание субъектов. Внедрение «цифры» преобразует саму семиотическую природу права, расширяя область реализации его функций и делая правовое общение поистине универсальной сферой духовной культуры человечества. С появлением искусственного интеллекта в качестве участника правовой коммуникации эволюция правопорядков вступает в новую фазу, характеризующуюся сложным и содержательно неоднозначным взаимодействием человека и техники.

До сих пор право рассматривалось как сугубо человеческий по своей природе феномен, что обеспечивало неизменность его сущности при любых, даже самых радикальных, социальных изменениях. Искусственный интеллект, нередко выступающий в роли альтернативы человеческому общению, де-

¹ См.: Эннекцерус Л., Кунп Т., Вольф М. Курс германского гражданского права. Т. I. Введение и общая часть. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1950. С. 26.

монстрируя стремительность и необратимость поступательных изменений, одновременно с тем бросает вызов антропологическому началу в праве, заставляя всерьез задуматься, не настала ли пора констатировать «смерть правового субъекта», подобно тому как в свое время Р. Барт объявил о «смерти автора»², а М. Фуко пророчил и смерть самого человека как онтологической категории³. Вот почему, говоря о правовом прогрессе, следует использовать данную категорию со значительной долей осторожности, отдавая себе отчет в неоднозначности и внутренней противоречивости подобного представления об эволюции культурных феноменов, к числу которых относится также и право.

Оппоненты идеи духовного прогресса небезосновательно предостерегают от излишнего доверия к оптимистической «прогрессивной» модели исторического развития, формирующей упрощенное представление, в соответствии с которой каждая следующая эпоха характеризуется, в сравнении с предыдущими, очевидным движением вперед по направлению к умозрительно заданной цели. В качестве подобной цели, в зависимости от исходной философско-методологической установки, могли указываться достижение «наибольшего счастья для наибольшего числа людей» (Ф. Хатчесон, И. Бентам), «всеобщая свобода всех людей в себе» (Г. В. Гегель), создание «государства всеобщего благосостояния» и т. п. Опыт, однако, показывает, что все подобного рода концепции не свободны от серьезных недостатков и, как следствие, уязвимы для критических замечаний.

Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие четкого эмпирически верифицируемого критерия, применяя который можно было бы охарактеризовать то или иное развитие в качестве поступательного и прогрессивного. Такой критерий (в идеале поддающийся математическому выражению) отсутствует даже в биологии, науке, достигшей впечатляющих результатов, руководствуясь представлением о прогрессивном развитии биологических видов, достигающих в процессе своей эволюции всё большего разнообразия и всё большей приспособленности к условиям внешней среды. Однако причины и направленность этих изменений (многие из которых, безусловно, имеют поступательный характер) до сих пор продолжают вызывать активные споры. Так, в специальной литературе отмечается, что: «Палеонтологические данные по многим группам животных и некоторым группам растений выявили у них ряд морфологических признаков, изменяющихся на протяжении длительного периода времени в каком-то определенном направлении»⁴. Ярким примером считалась эволюция китообразных, которые с переходом от сухопутного образа жизни к жизни в воде утратили ряд признаков, объединяющих их с парнокопытными, и приобрели новые морфологические признаки, соответствующие особенностям изменившейся внешней среды.

Не противоречит фактам и иное предположение, состоящее в том, что как парнокопытные, так и современные киты являются двумя параллельными ветвями, происходящими от общих водных предков (базилозавров или им подобных существ), и, следовательно, линия развития указанных видов имела прямо противоположную направленность — от обитания в водной среде к выходу на сушу с появлением новых, ранее отсутствовавших морфологических признаков. Именно подобная гипотеза, правильность которой здесь едва ли уместно обсуждать, на мой взгляд, значительно более соответствует идее поступательного развития, чем принятая палеонтологами модель, которая скорее является иллюстрацией вынужденного регресса, обусловленного переходом к образу жизни, требующему от организмов приложения значительно меньших усилий и энергетических затрат.

Как следствие, рассмотренная модель эволюции неизбежно приводит к угасанию того, пользуясь известным выражением А. Бергсона, жизненного порыва (*élan vital*), в отсутствие которого всякое восхождение к новым вершинам, требующее творческой активности как материи, так и духа, оказывается невозможным в живой природе и в социальном мире⁵. В природе существуют и иные пути эволюции, не соответствующие расхожему представлению о поступательном развитии, в том числе узкая специализация организмов, возникающая вследствие необходимости их приспособления к неблагоприятной,

² См.: Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: «Прогресс» – «Универс», 1994. С. 384–391.

³ См.: Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. С. 404.

⁴ Грант В. Эволюционный процесс. Критический обзор эволюционной теории. М.: Мир, 1991. С. 294.

⁵ См.: Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. С. 106.

подчас экстремальной, внешней среде, воздействие которой приводит к консервации атавистических признаков, обеспечивающих выживание соответствующих видов. Сходными примерами богато и культурное, в том числе правовое, развитие: вспомним хотя бы правовые порядки австралийских аборигенов и других «примитивных» народов, бросающие вызов привычным для любого представителя западной цивилизации представлениям об основных закономерностях эволюции общества, культуры и права⁶.

Можем ли мы утверждать, что такие порядки являются «тупиковыми линиями» социального и правового прогресса или ставят под сомнение саму его идею, как это подчас делают даже те исследователи, которые на словах выступают против европоцентристских моделей? Известный французский антрополог Н. Рулан, на богатом фактическом материале исследовавший правовые обычаи первобытных обществ, пришел к выводу о том, что существование таких обычаев (например, частного судопроизводства, осуществляемого по типу третейских судов) в наши дни не объясняется с эволюционных, а тем более с «прогрессивистских» позиций⁷. Не вызывает сомнений, что подобный вывод вытекает из имплицитного представления об эволюции как поступательном развитии, пусть даже с неопределенными критериями и неясными результатами.

Между тем сейчас широким признанием в научном сообществе пользуется представление об эволюции не как однолинейном движении, но как о процессе, имеющем множество направлений, каждому из которых присущи как поступательность, так и неизбежно связанная с ней цикличность. Именно в этой мультилинейности развития человечества, со всей наглядностью проявляющейся в правовой реальности, кроется залог подлинного прогресса, проявляющегося в постепенном сближении многообразных правовых традиций, а также развивающихся на их основе правопорядков и правовых систем. О культурном многообразии как необходимом условии прогресса писал в свое время Н. Я. Данилевский, по словам которого: «Прогресс состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях, ибо доселе он таким именно образом проявлялся»⁸.

Более того, не только для каждой правовой традиции, но и для человечества в целом правовая эволюция сочетает в себе прогрессивные и циклические тенденции, в связи с чем многие черты, характерные для начальных этапов, воспроизводятся (разумеется, в качественно ином виде) и на последующих стадиях развития. Так, рассмотрение эмпирического материала, как в синхронии, так и в исторической перспективе, позволяет сделать вывод, что во всех правопорядках и правовых традициях мира в ходе эволюции происходит переход от ненормативного правового регулирования, основными средствами которого выступают субъективные права и обязанности, неотделимые от конкретных жизненных ситуаций (казусов), к регулированию нормативному, осуществляемому при помощи общеобязательных правил поведения, подлежащих неоднократному применению и распространяющих свое действие на неограниченный круг субъектов. Указанная общая закономерность, характеризующая правовую коммуникацию, на общекультурном уровне коррелирует с усложнением средств знаковой коммуникации, наблюдаемым в ходе трансформации индексальных знаков, применяемых в конкретных коммуникативных ситуациях, в знаки-символы, имеющие неограниченную сферу применения — от повседневного естественного языка до специальных языков естественных и точных наук.

Нормативное регулирование (и нормативная правовая коммуникация как его сущностное измерение) имеет официально-властный характер, субъектами нормотворчества выступают государство, его органы и должностные лица. С известными оговорками такой способ коммуникации можно рассматривать как монолог, в котором адресантом выступает публичный субъект, а адресатами — широкий круг лиц, осуществляющих правоприменение и реализацию права. Это, впрочем, не исключает наличия обратной связи, превращающей монологическую коммуникацию в диалог. Сферой подобных диалогических ситуаций является диспозитивное регулирование, предполагающее применение нормы закона,

⁶ См. об этом: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1998. С. 497.

⁷ См.: Рулан Н. Юридическая антропология. М.: НОРМА, 1999. С. 276–277.

⁸ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 87.

поскольку субъекты отношений, регулируемых данной нормой, не договорились об ином варианте поведения. Таким образом, диспозитивный метод регулирования предполагает принципиальную возможность корректирования общей нормативно установленной модели в юридически значимом поведении адресатов, что как раз и свидетельствует о существовании диалога между участниками правовой коммуникации.

В отличие от ненормативного регулирования, основанного на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников коммуникации, регулирование нормативное во многих случаях предполагает отношения власти и подчинения сторон, что, в свою очередь, предопределяет важную роль институтов публичного права в современных правовых порядках. Более того, сейчас наблюдается всё более активное проникновение публично-правовых, императивных начал в сферу гражданского оборота, традиционно считавшуюся царством преимущественной диспозитивности, опирающейся на соглашения свободных, формально равных индивидов. Лишь исключительное богатство и многообразие конкретных фактических ситуаций, вновь возникающих отношений, единичных субъективных прав и обязанностей, которые не могут быть алгоритмизированы в норме закона, в гражданском праве ограничивает возможности применения императивного регулирования, сохраняя, как и во времена римских юристов, приоритетное значение за частными договоренностями, действующими *ad hoc*.

С внедрением искусственного интеллекта императивное регулирование, казалось бы, получает в свое распоряжение мощный инструмент, позволяющий распространить его на те виды отношений, которые ранее, по естественным причинам, могли регулироваться лишь децентрализованно. Информационные технологии, на которых основывается ИИ, обрабатывая и обобщая огромные массивы эмпирических данных, уже сейчас позволяют заменить человека не только при выполнении рутинных управленческих операций, но и в процессе реализации более сложных управленческих функций, в том числе связанных с принятием судебных решений, а также с подготовкой нормативных актов, которые подлежат применению в том числе в частном праве. И если сегодня получили широкое распространение цифровые смарт-контракты, то завтра, вполне возможно, человечество будет использовать цифровые инструменты и технологии искусственного интеллекта для законотворчества и иных видов нормотворческой деятельности.

Впрочем, на пути к окончательному торжеству этой технологической утопии стоит человеческий фактор, имеющий неустранимый характер. Трудно не согласиться с Ю. А. Тюриной, полагающей, что ИИ-технологии «специфичны, и государственный аппарат, ориентированный — исходя из своего предназначения — на принятие решений, впервые сталкивается с технологией быстроразвивающейся, самообучающейся и направленной именно на принятие решений со скоростью, превосходящей любой коллектив или социальную систему. И какие последствия повлечет внедрение ИИ в работу государства, в части управляющей системы (государственный аппарат) — пока не изучено»⁹.

Будущее покажет, как скоро человечество найдет эффективный ответ на вызовы внедрения искусственного интеллекта в юридическую практику, и не станут ли эти вызовы препятствием на пути правового прогресса. Пока же преодоление указанного препятствия видится в достижении максимального многообразия средств правовой коммуникации (с вовлечением в нее искусственного интеллекта) при сохранении сущностного единства последней как человеческого в основе своей феномена.

⁹ Тюрина Ю. А. ИИ-технологии в государственном управлении: институциональные аспекты и риски применения // Управленческое консультирование. 2025. № 5 (191). С. 21.